Библиотечная среда

СЛАВА МАТЛИНА

V

Завоёвывать и преодолевать или обживать и осваивать?*

Социально-культурные аспекты формирования библиотечного пространства

Теория библиотечного пространства находится в важной стадии — стадии осознания новых смыслов, точнее, осмысления самой себя. Для этого недостаточно традиционного «взгляда изнутри», использования лишь библиотечно-информационных методов.

Слава Григорьевна Матлина, ответственный редактор журнала «Библиотечное Дело», кандидат педагогических наук, Москва

НЕОБХОДИМА **социо-культурная,** а в оптимальном варианте — **культур-философская** основа ведения, позволяющая формировать пространство с точки зрения так называемой визуальной репрезентации, глубинных контекстов библиотечной деятельности. То есть требуется учитывать не только узкопрофессиональные, функциональные, но и историко-культурные, антропологические, в том числе этнологические аспекты. Имеются в виду особенности национального характера, региональные и местные обычаи; фольклор; исторические корни формирования города (местности); топонимика; существование различных субкультур, а также стилей поведения, возрастных, тендерных особенностей; взаимодействие публичного и приватного начал. Пристальное рассмотрение всех этих аспектов позволяет моделировать библиотеку как **часть пространства повседневной жизни людей,** обращая внимание на детали, которые остаются вне поля зрения традиционного библиотековедческого анализа.

Важно ответить на главный вопрос, **что** мы репрезентируем, формируя библиотечное пространство? Только ли информацию о наших ресурсах (как многие считают и поныне)? Или стремимся «распахнуть» мир? Воспроизводить культуру и как часть её — культуру местную, а значит и самих себя? Позиционировать себя как феноменальный социальный институт с замечательными коммуникативными возможностями, огромным интеллектуальным, в том числе личностным потенциалом? Институт, который формирует, конструирует, прежде всего, культурно-информационное пространство, а уже затем — пространство библиотечное как его часть?

«Брошенные в пространство...)»

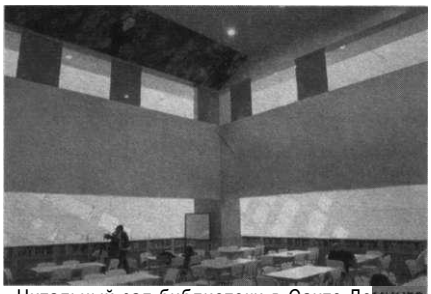
Исходя из этого посыла, нужно реально **делать видимым то, что мы не видим,** точнее, **не стремимся видеть,** визуализировать стороны и элементы культуро-творческой деятельности, которые остаются в тени нашего внимания и соответственно, публики. Коль скоро, в соответствии с метафорой О. Мандельштама, все мы *«брошены в пространство»* и осуждены в течение всей жизке его обживать, необходимо постигнут-1 его смыслы и значения. В работах разных исследователей рефреном проходит положение: ***«Место превращается в пространство, когда его наделятт смыслом живущие в нём люди».*** В щ» тивном случае мы имеем дело с абстри - цией, пустотой.

Мне уже приходилось отмечать 1 публикациях многомерность самого ж- нятия «пространство», его прина ность к онтологии, делать акцент \ экзистенциальную природу. Фи убеждены, что это понятие ли цифично, во многом отражает огош: лённые качества российского ментжпи* тета. Замечательный учёный В. К Топоров, много размышлявший о и?..... странстве, видел его семантичесжрв) сущность в идее прогрессивно **юрк-** тающего развёртывания, распростри*- ния, был убеждён, что его внутрсянн форма (рго-81ог, рго-**5йгай)<** таким смыслам, как «вперед», «вширь»

*В основу статьи легли доклады а семинаре в Ханты-Мансийске (март **2008),** а также на Международной Философской Школе (ноябрь 2008).

«вовне» и далее — к «открытости», «воле». *«Попробуем прислушаться к языку. О чём он говорит в слове "пространство"? В нём говорит "простор" Это значит: нечто простираемое, свободное от преград. Простор несёт с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания».*[1]

Другие учёные говоря о тяготении русского человека к воле, к широким пространствам, вслед за историками вспоминают об их роли в формировании национального характера. Они делают особый акцент на том, как трудно русскому человеку давались **завоевания** земель, на необходимости **преодолевать** громадные пространства, с трудом добираться до нужного места. При этом безбрежные, часто холодные и небезопасные просторы противопоставляются теплу домашнего очага, уюту. Последний ассоциируется с покоем, отгороженностью от внешнего мира, возможностью уединения.[2]



Читальный зал библиотеки в Санто-Доминго (Колумбия)

Применительно к библиотечному пространству вся эта многозначная семантика приобретает своеобразные смыслы. **Простор** в нашем понимании — одна из главных ценностей, связанная со своего рода болезнью **— профессиональной клаустрофобией.** Она вызвана постоянной нехваткой площадей, теснотой, ограничениями в размещении растущих ресурсов, невозможностью решать новые, усложняющиеся задачи, обеспечивать надлежащие комфортные условия читателям и сотрудникам. До сих пор столь нужные библиотеке помещения приходится отвоёвывать у местных властей, порой приводить в порядок непригодные для нормальной жизни площади, преодолевая неустроенность и разруху. К тому же у нескольких поколений жителей нашей страны, включая библиотекарей, сохраняется генетическая память о коммунальных квартирах и общежитиях, в которых нам пришлось жить. *«Квартирный вопрос»* по М. А. Булгакову испортил отнюдь не только москвичей.

Публичная библиотека (ПБ) имеет дело со многими разновидностями пространства, каждая из которых представляет особую сферу деятельности, и предполагает разные смыслы, хотя **все они взаимосвязаны.** Проще всего выделить три таких сферы, которые условно можно обозначить как Пространство-Топос, Пространство-Время и Пространство-Логос.[3]

Гений места

Пространство-Топос (Место) вмещает в себя несколько модальностей. Безусловно, это умело расставленные фонды и хорошо организованные ресурсы, современный дизайн. Это самоценно, но это скорее внешние признаки того, что мы называем организацией внутрибиблиотечного пространства. Важно, чтобы материальная среда как видимая часть этого пространства гармонично сочеталась с его интеллектуальной, духовной, эмоциональной составляющими. Именно такую гармонию древние называли *«§enu51oc1»* — гением места.

Холл библиотеки в Санто-Доминго

На практике это означает, что библиотека позиционирует себя как полистилистический социально-культурный институт. Не только предоставляет публике информацию, но и помогает в её оценке и восприятии, обеспечивает возможность посетить концерт, выставку картин или общегородской праздник чтения, посидеть с друзьями в уютном кафе и при необходимости — побыть в уединении. Организовывая пространство, следует предусматривать **всё многообразие** сценариев пребывания человека в библиотеке, а в отдельных ситуациях — и за её пределами (не говоря уже о пространстве виртуальном). Такой подход обеспечивает человеку свободу выбора. В этом и состоит сегодняшнее понимание **свободного доступа** к библиотечным ресурсам.[4]

По сути, такое понимание означает **уход от линейной** организации библиотечного пространства, за основу которой традиционно брали алгоритмизированные процессы пути читательского запроса. В полистилистической библиотеке, которая ориентируется на свободу выбора, предусматривают ситуативный, а значит многовариантный характер использования библиотечных ресурсов, своего рода **матричную** организацию пространства.

Проект библиотеки и учебного центра Университета Экономики&Бизнеса в Вене

При этом профессионалы вынуждены учитывать риски и сложности такой организации, обусловленные её противоречивой природой. Что, в свою очередь, можно объяснить противоречивой сущностью деятельности ПБ.[5] Одно из наиболее принципиальных, и, увы, не всегда осознаваемых коллегами противоречий, реализуется через амбивалентный характер библиотечного обслуживания: сочетания его **публичного** и **приватного** начал.

Публичное пространство

Сначала немного о публичном характере библиотечного пространства. При всей его мнимой очевидности, и даже попытках автора этой статьи разработать концепцию *«распахнутого пространства»* библиотеки (Ж. Бодрийяр)[6], существует объективная потребность всерьёз обратится к семантике *«публичности»* публичной библиотеки (сознательно использую приём тавтологии). В этом смысле интересна публикация С. Езовой и Р. Хамагановой о проявлении публичности в библиотечной деятельности.[7] Ценность данного материала мне видится в том, что сибирские коллеги не ограничивают сферу публичности традиционно-узким подходом — так называемой «массовой ра- ъ

ботой». С этой публикации журнал пару лет назад начал разговор о проблеме.

Но необходимо идти дальше: рассматривать, скажем, **«повседневную публичность»** библиотеки в контексте социально-культурной деятельности различных институтов, а также сравнительного анализа отечественных и зарубежных культурных традиций. То есть использовать интертекстуальный (компаративистский) метод, обеспечивающий более глубокое ведение проблемы. Впрочем, подходов может быть множество.[8] (См., например, статью Д. Равинского в данном номере.) Сопоставление работы ПБ, допустим, с театрами и музеями, позволяют прийти к выводу, что она, по словам видного социолога культуры Н. А. Хренова, является *«одним из наиболее радикальных средств коммуникации».*[9] И это означает, что на сегодняшний день пространство библиотеки следует конструировать в значительной степени с учётом её роли организатора

Уютный уголок в зале периодики городской библиотеки Тампере (Финляндия)

межкультурных коммуникаций, несводимую к организации отдельных массовидных форм работы. Эту роль убедительно обосновала в своей монографии Е. Ю. Гениева.[10]

Кросс-культурные исследования, сопоставляющие отечественные и зарубежные тенденции развития культуры, помогают понять, почему в наших продвинутых библиотеках так тяжело приживаются открытые пространства. (Например, детские игровые площадки на прилегающей к библиотеке территории с фигурками любимых литературных героев; пространства, которые соединяют читальный зал и кафе или игровую комнату-веранду, позволяют создавать летний «журнальный зал под зонтиками» и т. п.) Знаю об этом по опыту креативных библиотек (так, замечательная директор столичной «Тургеневки» Т. Е. Коробкина давно пытается открыть библиотечный клуб-кафе). Становится очевидным, что эти попытки терпят неудачу не только из-за конкретных обстоятельств, необходимости преодолевать сопротивление многочисленных СЭС, пожарных и т. п., но по причине **отсутствия традиций публичности** как таковой, недопонимания значимости полифункционального использования в культурных институтах открытых пространств.

Например, в России трудно представить себе многочисленные, предельно демократичные кофейни, которые уже три века назад стали приметой повседневной жизни горожан в различных странах Европы.[11] А ведь именно там можно было прочитать свежую газету или журнал, обсудить в кругу знакомых привлекшую внимание статью, похвастаться только что купленной на развале книгой, послушать публичное выступление писателя, журналиста. Это были не просто «заведения общепита», но центры интеллектуальной, литературной жизни Парижа или Лондона. В Петербурге такие кофейни возникли значительно позднее, и говорить об их демократичном характере не приходится.[12]

Рано или поздно нам придётся приучать публику к такому формату общения, который сегодня успешно (хотя и в достаточно элитарном варианте) реализуют отдельные литературные клубы и книжные магазины в мегаполисах. ПБ в состоянии «распахнуть» своё пространство не только для элиты, но и для всех, кто нуждается в межкультурной коммуникации. Можно предположить, что степень «публичности» со временем будет повышаться благодаря практике более широкого использования крупными библиотеками электронных коммуникаций. Я имею в виду блоги на библиотечных сайтах, полнотекстовые варианты подготавливаемых методистами аналитических материалов кумулятивного характера, виртуальную справку и др.

Приватное начало в библиотечном пространстве

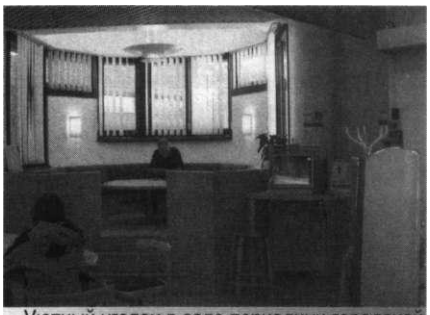
Следует откровенно признать, что его значимость в деятельности ПБ пока ещё не осознана ни теоретиками, ни практиками. Между тем, будучи государственным институтом, формирующим публичное пространство, библиотека неразрывно связана с **частной сферой** жизни и быта, индивидуальными решениями человека. Частная сфера охватывает не только его внутреннюю жизнь, но и семейные, межличностные отношения. Отсутствие профессиональной рефлексии в данном вопросе во многом затрудняет диалог библиотеки с публикой. Мы по старинке делаем акцент на так называемые социально-значимые, по сути, формальные характеристики человека, его профессию, должность, связи в местном сообществе, то есть на социальный статус. Пространство его частной жизни выпадает из поля нашего зрения. Безусловно, речь в данном случае идёт не о вмешательстве в эту жизнь, но о тактичном корректировании наших взаимоотношений, направленном на повышение комфортности обслуживания.

«Фабрика знаний» — читальный зал библиотеки Центра им. Жоржа Помпиду в Париже

Характер человека (например, непоседливость, чрезмерная активность ребёнка или взрослого или, наоборот, стеснительность, застенчивость); увлечение человека живописью или стихосложением; изменения в семейном положении (вступление в брак, рождение внука) и другие обстоятельства, влияющие на личные поведенческие характеристики, призваны играть важную роль в формировании библиотечного пространства. На протяжении десятков лет библиотека оставалась своего рода островком не только для тех, кто испытывал потребность в работе с книгой^ **в** чтении художественной литературы, что само по себе является достаточнс интимным делом, но и неким прибежищем для **людей,** просто **нуждающихся • уединении.** Эта социальная роль старевшего культурного института, лишь ужличивается в эпоху тотального проник- **I** новения СМИ в частную жизнь людей. *«интервенции публичного в область приватного».* С другой стороны, я не

ботой». С этой публикации журнал пару лет назад начал разговор о проблеме.

Но необходимо идти дальше: рассматривать, скажем, **«повседневную публичность»** библиотеки в контексте социально-культурной деятельности различных институтов, а также сравнительного анализа отечественных и зарубежных культурных традиций. То есть использовать интертекстуальный (компаративистский) метод, обеспечивающий более глубокое ведение проблемы. Впрочем, подходов может быть множество.[8] (См., например, статью Д. Равинского в данном номере.) Сопоставление работы ПБ, допустим, с театрами и музеями, позволяют прийти к выводу, что она, по словам видного социолога культуры Н. А. Хренова, является *«одним из наиболее радикальных средств коммуникации».*[9] И это означает, что на сегодняшний день пространство библиотеки следует конструировать в значительной степени с учётом её роли организатора



Уютный уголок в зале периодики городской библиотеки Тампере (Финляи^

межкультурных коммуникаций, несводимую к организации отдельных массовидных форм работы. Эту роль убедительно обосновала в своей монографии Е. Ю. Гениева.[10]

Кросс-культурные исследования, сопоставляющие отечественные и зарубежные тенденции развития культуры, помогают понять, почему в наших продвинутых библиотеках так тяжело приживаются открытые пространства. (Например, детские игровые площадки на прилегающей к библиотеке территории с фигурками любимых литературных героев; пространства, которые соединяют читальный зал и кафе или игровую комнату-веранду, позволяют создавать летний «журнальный зал под зонтиками» и т. п.) Знаю об этом по опыту креативных библиотек (так, замечательная директор столичной «Тургеневки» Т. Е. Коробкина давно пытается открыть библиотечный клуб-кафе). Становится очевидным, что эти попытки терпят неудачу не только из-за конкретных обстоятельств, необходимости преодолевать сопротивление многочисленных СЭС, пожарных и т. п., но по причине **отсутствия традиций публичности** как таковой, недопонимания значимости полифункционального использования в культурных институтах открытых пространств.

Например, в России трудно представить себе многочисленные, предельно демократичные кофейни, которые уже три века назад стали приметой повседневной жизни горожан в различных странах Европы.[11] А ведь именно там можно было прочитать свежую газету или журнал, обсудить в кругу знакомых привлекшую внимание статью, похвастаться только что купленной на развале книгой, послушать публичное выступление писателя, журналиста. Это были не просто «заведения общепита», но центры интеллектуальной, литературной жизни Парижа или Лондона. В Петербурге такие кофейни возникли значительно позднее, и говорить об их демократичном характере не приходится.[12]

Рано или поздно нам придётся приучать публику к такому формату общения, который сегодня успешно (хотя и в достаточно элитарном варианте) реализуют отдельные литературные клубы и книжные магазины в мегаполисах. ПБ в состоянии «распахнуть» своё пространство не только для элиты, но и для всех, кто нуждается в межкультурной коммуникации. Можно предположить, что степень «публичности» со временем будет повышаться благодаря практике более широкого использования крупными библиотеками электронных коммуникаций. Я имею в виду блоги на библиотечных сайтах, полнотекстовые варианты подготавливаемых методистами аналитических материалов кумулятивного характера, виртуальную справку и др.

Приватное начало в библиотечном пространстве

Следует откровенно признать, что его значимость в деятельности ПБ пока ещё не осознана ни теоретиками, ни практиками. Между тем, будучи государственным институтом, формирующим публичное пространство, библиотека неразрывно связана с **частной сферой** жизни и быта, индивидуальными решениями человека. Частная сфера охватывает не только его внутреннюю жизнь, но и семейные, межличностные отношения. Отсутствие профессиональной рефлексии в данном вопросе во многом затрудняет диалог библиотеки с публикой. Мы по старинке делаем акцент на так называемые социально-значимые, по сути, формальные характеристики человека, его профессию, должность, связи в местном сообществе, то есть на социальный статус. Пространство его частной жизни выпадает из поля нашего зрения. Безусловно, речь в данном случае идёт не о вмешательстве в эту жизнь, но о тактичном корректировании наших взаимоотношений, направленном на повышение комфортности обслуживания.

«Фабрика знаний» — читальный зал библиотеки Центра им. Жоржа Помпиду в Париже

Характер человека (например, непоседливость, чрезмерная активность ребёнка или взрослого или, наоборот, стеснительность, застенчивость); увлечение человека живописью или стихосложением; изменения в семейном положении (вступление в брак, рождение внука) и другие обстоятельства, влияющие на личные поведенческие характеристики, призваны играть важную роль в формировании библиотечного пространства. На протяжении десятков лет библиотека оставалась своего рода островком не только для тех, кто испытывал потребность в работе с книгой, **Б** чтении художественной литературы, что само по себе является достаточно интимным делом, но и неким прибежищем для **людей,** просто **нуждающихся • уединении.** Эта социальная роль старейшего культурного института, лишь увеличивается в эпоху тотального проникновения СМИ в частную жизнь людей. *«интервенции публичного в область приватного».* С другой стороны, **я не**

сидеть с подружкой в зимнем саду или «заветном» уголке на абонементе. Концепция открытой библиотеки за рубежом предельно расширяет этот ряд, включая в него учёт сиюминутных, «бытовых» аспектов поведения. Например, наличие мест для детских колясок, с которыми приходят в муниципальные библиотеки молодые мамы; уголка в туалете, где можно перепеленать ребёнка; помещения для групповых и индивидуальных учебных занятий с малышами из начальной школы и т. п. При этом речь идёт об открытом пространстве, одновременно **ориентированном «на всех» и замкнутом на отдельного человека.**

Кафедра выдачи в городской библиотеке в Тампере

Отметим, что именно такое понимание «открытого пространства», создание ситуации **свободного перемещения** в нём сообразно сиюминутным и долговременным мотивам людей, можно охарактеризовать как **безбарьерное обслуживание** (имеются в виду, в первую очередь, психологические барьеры). Оно базируется на умении библиотеки **предвосхищать,** а не только удовлетворять, целостную систему культурно-информационных **ожиданий** публики. Подчёркиваю: ожиданий, а не потребностей, как считалось долгие годы.

Охарактеризованная двойственность (публичное и приватное начала) в реальной жизни порождает новое противоречие: между ориентацией **на большие объёмы,** тягой к монументальности (большие пространства зарубежных библиотек закономерно приводят в восторг наших коллег) и присущей отечественным культурным институтам **структуре «небольшого»** (Д. С. Лихачёв). Ещё раз напомню об упомянутом выше исследовании: в русской языковой картине мира антитезой понятия *«пространство»* является уют, ассоциирующийся с небольшим закрытым пространством, с покоем. Не случайно прилагательное «уютный» особенно охотно сочетается с уменьшительными существительными: уютный мирок/уголок, с покоем, отгороженностью от источников раздражения.[17]

Это противоречие может быть снято за счёт организации пространства, **соразмерного человеку,** соответствующего привычной для него среды обитания. Как пишет авторитетный философ, наиболее благоприятным для диалога является **относительно (но не предельно) малое и непременно культурно освоенное пространство** (выделено мной. — С. М.).[18] В иных условиях диалог затруднён. Не случайно так естественно, уютно смотрятся сельские библиотеки, размещенные в одноэтажном, нетиповой постройки здании с палисадом перед входом. Не менее важна *«структура небольшого»* в библиотеках мегаполиса, где громады высоток вдобавок к уплотнённой застройке угнетающе действуют на психику горожанина. Современные эстетические и технологические решения архитекторов и дизайнеров позволяют визуально «уменьшать» внешний облик большого современного здания, вписывать его в окружающее пространство города, наконец, «членить» внутрибиблиотечное пространство, трансформируя его в зависимости от ситуации в помещения разной величины.

Ещё одну модальность Пространства-Топоса можно интерпретировать как осознание **места библиотеки в культурном ландшафте** города, региона. Имеется в виду взаимосвязь природных и антропогенных характеристик. Сеть библиотек на карте города (района), объём и масштабы их работы, степень охвата публики и т. д. влияет на качество жизни социума, а значит, на содержательную, культурно-экологическую сторону такого ландшафта. В это же понятие могут быть включены результаты социального партнёрства библиотек, корпоративных проектов, организуемых совместно с негосударственными организациями, общественными фондами, размах издательской деятельности и

Библиотека UCSD Geisel в Сан-Диего, штат Калифорния, США

др. При этом формируются связи, изменяющие традиционные представления о центре и периферии, провинциальном захолустье и инновационном инкубаторе, что принципиально меняет *«портрет пространства»* (В. Л. Каганский), траекторию его развития.

Пространство-Хронос

В ходе перманентного процесса организации пространства ПБ приходится демонстрировать гибкость, способность меняться, одновременно использовать **новую стилистику** и показывать **верность культурным традициям.** И это ещё одна оппозиция, с которой приходится иметь дело библиотекарю. Восприятие человеком пространства, по мнению современных учёных, базируется на реальных или потенциально возможных (виртуальных) событиях. События прошлого имманентно присутствуют в событиях будущего. Прошлое объективно существует в настоящем, которое переходит в будущее.[19]

Проект здания национальной библиотеки и культурного центра. Гвадалахара, Мексика

Библиотека, как известно, находится в особых отношениях со временем. В её пространстве (на это указывают все без исключения исследователи библиотеки как культурного феномена) формируется виртуальная возможность встречи этих трёх начал: настоящего с прошлым и будущим. Обустройство Пространства-Места само по себе представляется преодолением всевластия времени, спасением от забвения.

Интерьер Национальной библиотеки. Прага

Воспроизводить такого рода Пространство-Хронос библиотекам помогают разные приёмы. Это, например, сочетание стилей хай-тек и «ретро»; для последнего прекрасно подходят старые (а ещё лучше — антикварные) вещи, сохранившиеся в давно работающих библиотеках мемориального типа, к тому же размещённых в зданиях - архитектурных памятниках. Таких немало в Центральном округе столицы, в Санкт-Петербурге, а также в старых российских городах: вспомним, например, Нижегородскую или Ульяновскую областные библиотеки.

К этому же смысловому ряду примыкают музейные экспозиции, посвященные истории библиотеки; здания, в котором она размещена; жизни и творчеству деятеля культуры, чьим именем она названа. Или мини-краеведческий (этнографический) музей с соответствующими раритетами. Ещё один вариант — использование увеличенных фотографий дореволюционного города, постоянная экспозиция которых в библиотеке создаёт, по Е. Шацкому, *«утопию идеального отечества».* Сюда же можно отнести фоторяд с изображением примечательных природных мест региона. Ландшафт, который носит *«вневременной, венный характер»,* заставляет задуматься о быстротечности человеческой жизни.

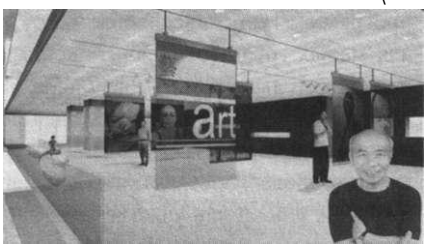
Особую роль может сыграть представленный во временной или постоянной экспозиции, в оформлении интерьера иллюстративный материал к художественной классике, а также кадры из фильмов, снятых по её мотивам, фотографии со сценами из спектаклей по этим произведениям. В библиотеках, носящих имя писателя, такой материал становится необходимым условием создания соответствующей атмосферы. В известной работе «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачёв замечает, что читатель нередко настолько погружается в прошедшие события, что начинает чувствовать такого рода прошлое своим настоящим и живёт при этом как бы двойной жизнью: своей и жизнью «внутри» читаемого им произведения. Данный «эффект погружения», имеющий огромное значение для глубокого восприятия литературного произведения, библиотекарь-дизайнер лишь усиливает или побуждает к нему, участвуя таким образом в продвижении книги.

Образ Хроноса, а точнее библиотеки-хранителя Памяти, возникает при посещении Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина г. Перми. Здесь посетителя встречает необычная фотогалерея, вблизи которой размещена витрина с книгами и статьями об изображённых на фотографиях людях. Поначалу несведущему человеку трудно понять, **что** объединяет портреты членов семьи Дягилевых, Б. Пастернака, И. Ильинского, Г. Улановой, Г. Буркова и других известных деятелей культуры. Оказывается, эти люди или жили в этом доме, или бывали в нём в качестве читателей городской библиотеки.

В последние годы не только крупные (национальные и научные), но и небольшие муниципальные библиотеки проявляют особый интерес к уникальным частям своих книжных коллекций. (Об этом см. №4(70) 2008 г. журнала «Библиотечное Дело».)

Позиционируя себя как хранителя культурных традиций, библиотеки одновременно используют средства, придающие пространству динамизм. Такого эффекта можно достичь, насыщая пространство яркими, относительно часто меняющимися событиями. Динамичный характер деятельности способен передать хорошо организованный сайт. К сожалению, коллеги не всегда осознают, что «ухоженный», регулярно обновляемый сайт не просто повышает информационную ёмкость или обеспечивает рекламу, но формирует пространственно-временной континуум культуры, чётко определяя место в нём библиотеки, адекватно создавая её Образ.

Динамизм библиотечной деятельности передаёт также иллюзия **движения.** Метафора такого движения в разных модальностях воспроизводится в контексте игры (путешествия по литературной карте края или карте русской классики), за счёт активизации форм диалога (экскурсии по библиотеке, городу, селу), акцентирования историко-этнографического или фольклорного начала (оформление «под старину» краеведческого отдела, уголка, инкрустирование текста местным диалектом). При этом за основу берут понятия, насыщенные богатыми ассоциативными смыслами. Эти смыслы усиливает соответствующий визуальный ряд, будь то оформление книжно-иллюстративной выставки или использование слайд-шоу, видеоклипов. Особые эффекты перемещения в пространстве создают осваиваемые библиотеками виртуальные путешествия по музеям и паркам, городам и весям, различным планетам и мирам.



Общественная библиотека ЕйзНап в Сингапуре

Использование такого рода приёмов наполнено глубокими смыслами. В упоминаемой выше работе В. Н. Топорова показана тесная связь пространства с мифопоэтическим пониманием *«пути».* Например, в русских народных сказках он всегда связан с реализацией жизненно важных целей, преодолением множества трудностей, наконец, с поиском и нахождением неких сакральных ценностей, в ходе которого происходит не просто преодоление, но результативное приручение, обживание пространства.

Немаловажную роль играет и **физическое перемещение** в пространстве, о роли которого мне уже приходилось писать.[20] Я упоминала о замечательных библиокараванах, проходящих по биб- ъ

лиотекам разных регионов, а также о ежегодном профессиональном туре руководителей муниципальных библиотек Архангельской области. Такое перемещение является составной частью проекта «Сетевое взаимодействие библиотек» и может рассматриваться в контексте освоения профессионального пространственно-временного континуума.

Ещё дальше пошли псковские библиотекари, реализующие проект «Профессиональное сближение библиотекарей Псковщины и стран Европы через путешествия». Он является частью другого проекта «Библиотечное кольцо литературной Псковщины» — «Литературное кольцо европейского пограничья». Библиотекари изучили ресурсы районов и разработали экскурсионные программы/туристические маршруты для малых групп (от 3 до 12 человек) продолжительностью от 2 до 7 дней. На протяжении 2006-2007 гг. были апробированы маршруты основных экскурсионно-деловых программ по Псковщине. В них принимали участие делегации литературных клубов, функционирующих в городских и районных/окружных библиотеках не только Псковской области, но и Белоруссии, Латвии, Украины, а также Калининградской, Архангельской, Брянской, Тверской областей, Республики Карелия.[21]

в карельском городе Сортавала

В чём социальные смыслы такой, по О. Мандельштаму, *«необузданной жажды пространства»,* жажды передвижения? Безусловно, в возможности увидеть своими глазами достопримечательности края и самые интересные библиотеки, обогатиться новым опытом, и, конечно, в упрочении межличностных контактов коллег и читателей. В культурно-антропологическом смысле библиотекарь и читатели выступают в роли исследователей, следопытов, осуществляющих своеобразный импорт/экспорт культурных границ местных культур через диалог «своего» и «чужого». Речь может также идти о формах упрочения местного сообщества, инициируемого снизу. Сами по себе клубы — это инструмент самоорганизации читателей: в данном случае библиотеки стали инициатором более высокого уровня такой самоорганизации. И одновременно создали предпосылки для формирования **содержательно иного** пространства.

Наконец, перемещение в пространстве рождает иное качество самоощущения человека. Когда-то основатель крупнейшей в мире автомобильной кампании Г. Форд утверждал, что он обеспечил американцев **ещё одной степенью свободы.** Это утверждение удивительным образом сопряжено с представлениями философов об онтологии пути.[22] *«Человек мигрирующий»* в этом контексте превосходит других уже потому, что путь позволяет ему приобрести дополнительный опыт, и, что особенно важно, большую свободу. Целенаправленное, осознанное передвижение — это не столько преодоление пространства, сколько одно из средств его **творческого освоения** конкретным человеком, а именно творчество является высшим проявлением свободы.

Пространство-Логос

Пространство-Логос формируют не только через визуальные формы, когда оно зафиксировано на бумаге или диске. Это Слово звучащее, поющее, представленное через иллюстративный ряд — достаточно вспомнить о массовидных мероприятиях, включая выставки. Образ Слова создают и через имя библиотеки, архитектурный облик её здания, дизайн. Можно вспомнить, например, замечательную инсталляцию в холле Национальной библиотеки Югры или иллюзию присутствия в пушкинском Петербурге, возникающую благодаря сценографически оформленному вестибюлю Центральной Городской библиотеки им. А. С. Пушкина г. Кирова. Сюда же можно отнести эксклюзивные формы, такие как, например, меню библиотечного кафе с названиями блюд, вызывающими литературные ассоциации.

Задача перечисленных примеров — показать, что продвигая чтение, библиотека от однозначно когнитивной роли книги — *«источника знаний»* (по М. Горькому) переходит к её позиционированию в различных ракурсах. Книга выступает как **знак, символ,** если подчёркивается её историческая (мемориальная ценность); как **предмет,** обладающий эстетической ценностью; как **экспонат,** находящийся в одном смысловом ряду с другими предметами; как **контекст** (это демонстрируют визуальные средства, например, иллюстрации, сценография, e1c.)

Выставка рекламных плакатов конд*

Сегодня важно осознать, что Слово, в широком смысле — Язык, является неумирающей культурной субстанцией, основой существования библиотеки во все времена — независимо от того, как она будет видоизменяться, присутствуя в реальном или виртуальном пространстве. Прекрасную метафору сформулировал А. Генис: *«Язык — прообраз вечности».* Подменяя стратегически значимый культ Слова, родного Языка псевдоактуальными, сиюминутными задачами типа обеспечения людей информацией, создания книжных супермаркетов и др., библиотека *«играет на понижение».* разрушает культурное пространство, незаменимой частью которого она является.

Выставки как часть пространства

Выставки: книжно-иллюстративные, картин, портретов, детских рисунков ет. в оптимальном варианте позволяют соединить в единое целое три модальности пространства: **Топос,** Хронос и Логос. Поскольку выступают как «пойманные мгновенья», придающие пространству модус особой событийности и упорядочивая его, насыщая Словом. Современная выставка также связывает эти три стороны через выход в безмерное виртуальное пространство — через отсылки к сайтам и электронным документам, использование работающих мо-